

*Авторская позиция в рассказе А. П. Чехова
«Человек в футляре»*

В 80-х годах, когда Чехов писал свои рассказы, казенщина в человеческих отношениях проникла во все слои общества и главным правилом стало механическое, бездушное исполнение предписанных правил и норм. Повседневная пошлость, серость и грязь калечат человеческие души, лишают человека божественной искры, непосредственности и готовности воспринимать жизнь в самых разнообразных формах.

Против этого омертвления и борется Чехов, выводя квинтэссенцию казенной бездумности в гениальном по предельной сжатости и глубине образе человека «в футляре». Рассказ об учителе греческого языка Беликове читатель слышит не из уст автора, а одного из персонажей, и это не случайно, так как подобный композиционный прием позволяет читателю глубже прочувствовать и понять основную идею рассказа. «Футлярный» облик Беликова (очки в футляре, зонтик в футляре и т.д.) превращается в «футлярный» образ мысли, чувства и в конечном итоге существования. Далее читатель узнает, что он является не просто казенно-бездушным существом, а давящей силой, угнетающей и уничтожающей любой источник живой жизни. Буркин замечает: «Вот подите же, наши учителя народ весь мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина, однако же этот человек, ходивший в калошах и с зонтиком, держал в своих руках всю гимназию целые пятнадцать лет...» И это не случайно. Давление действенно там, где есть готовность ему подчиниться.

Весь самодержавно-бюрократический строй русской жизни таков, что в нем могут процветать только беликовы, только «беликовщина» — единственно возможное состояние русского общества, и потому русская интеллигенция задыхается в сетях «человечка в футляре», который, подобно пауку, опутал все сферы общественной жизни.

Скучный, мелочный, пошлый быт провинциального города превращается в рассказе в бытие, отличающееся неприютностью человеческих чувств и ненужностью живой жизни. «Вы чинодралы, у вас не храм науки, а управа благочиния, и кислотой воняет, как в полицейской будке», — говорит обывателям губернского города герой этого рассказа — преподаватель Коваленко.

С появлением свежего источника жизни в гимназии ломается бездушный механизм, кончается век Беликова, подходит к логическому завершению. Теперь, «когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!»

Но с уходом Беликова «беликовщина» не исчезает, она живуча, так что и сама жизнь остается «не запрещенной циркулярно, но и не разрешенной вполне». Лейтмотивом рассказа является мысль: «Нет, так больше жить невозможно». «Футлярность» жизни всепроникающая, и чеховское мастерство дает читателю возможность почувствовать ее на разных уровнях произведения. После гневной и эмоциональной тирады Ивана Ивановича о невозможности такого бездуховного существования мы снова слышим глухие шаги крестьянки Мавры, этого народного варианта «беликовщины», и равнодушную реплику собеседника Ивана Ивановича Буркина: «Ну, уж это вы из другой оперы ... Давайте спать». И минут через десять Буркин уже спал». Но если все-таки в душах людей зреет желание изменить мир, стремление к добру, если люди осознают бесцветность и мерзость такой жизни, то мир рано или поздно избавится от «футлярности». В этом смысле символичен финал рассказа, когда Иван Иванович восхищается звездным небом, его глубиной и бездонностью, ведь таким просторам нужны великаны, люди с русской широтой и размахом, а не Беликовы, Козьявкины и Подзатыльниковы.